

А.Е. Ландау

Еврейская библиотека

Том 9

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А.Е. Ландау**
Еврейская библиотека: Том 9 / А.Е. Ландау – М.: Книга по Требованию, 2014. –
512 с.

ISBN 978-5-4241-5479-9

Еврейская библиотека. Историко-литературный сборник. Том 9.

ISBN 978-5-4241-5479-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Отъ издателя.

Нѣкоторыя обстоятельства, которыя выяснятся в послѣдствіи, побудили насъ возобновить изданіе „Еврейской Библіотеки“, вышедшіе томы которой въ свое время были встрѣчены столь глубокимъ сочувствіемъ и вниманіемъ всей лучшей русской журналистики *.

Одно изъ этихъ обстоятельствъ мы отмѣтимъ теперь же. Это, именно, желаніе познакомить публику съ перепиской Л. О. Леванды и другихъ писателей, съ которыми мы находились въ литературныхъ сношеніяхъ въ теченіе нашей почти сорокалѣтней журнальной работы, перепиской, которая едва ли могла бы появиться въ какомъ-либо другомъ изданіи.

Пользуемся случаемъ, чтобы еще разъ поблагодарить тѣхъ, которые доставили намъ матеріалъ для переписки Л. О. Леванды, продолженіе которой имѣетъ появиться въ слѣдующемъ томѣ. При этомъ мы считаемъ своимъ священнымъ, и въ то же время весьма печальнымъ долгомъ—почтить память того, кто доставилъ намъ матеріалъ—письма

---

* „Отечественныя Записки“, „Вѣстникъ Европы“, „Дѣло“, „Всемирный Трудъ“, „Современная Лѣтопись“, „Русскій Листокъ“ (Щепкина), „Сиб. Вѣдомости“, „Голосъ“, „Нов. Время“ (Устрялова), „Бирж. Вѣдомости“, „Биржа“, „Моск. Вѣдомости“ (Каткова), „Новости“ и др.,—не говоря уже объ одесскихъ, кіевскихъ и виленскихъ газетахъ и специальныхъ еврейскихъ органахъ,—дали о „Евр. Библіотекѣ“ болѣе или менѣе подробные отзывы и даже цѣлыя большія статьи, какъ напр., „Отеч. Записки“, „Дѣло“ и др.

Л. О. Леванды—для первыхъ страницъ предлежащаго тома „Еврейской Библіотеки“—память глубоко симпатичнаго человѣка, И. С. Залькинда. Оказывается, что когда онъ отыскивалъ для насъ письма Леванды, онъ доживалъ уже свои послѣдніе дни. Съ глубокимъ прискорбіемъ мы узнали о его смерти именно въ тотъ моментъ, когда мы отправили ему корректуру переписки Леванды и просили у него нѣкоторыхъ разъясненій. Пакетъ былъ возвращенъ намъ съ лаконическою, но потрясшей насъ до глубины души надписью: „обратно—за смертью адресата“.

Какъ читатели увидятъ ниже, И. С. Залькиндъ, какъ во время своего учительства въ Минскѣ, такъ и впослѣдствіи, глубоко интересовался развитіемъ еврейскаго вопроса и въ свое время вносилъ и свои лепты для его разъясненія.

Миръ его праху.

Въ заключеніе мы позволяемъ себѣ просить всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ въ своихъ рукахъ письма Л. О. Леванды, О. А. Рабиновича, И. Г. Оршанскаго, Л. С. Пинскера, Г. И. Богрова и другихъ еврейскихъ писателей, предоставить ихъ *временно* въ наше распоряженіе. Мы съ благодарностью возвратимъ ихъ по принадлежности, воспользовавшись лишь тѣмъ матеріаломъ, который имѣетъ литературное или общественное значеніе.

А. Л.

Изъ переписки Л. О. Леванды.

Левъ Осиповичъ Леванда, преждевременно скончавшійся 6 Марта 1888 года, на 53 году своей жизни и на 27 году своей литературной дѣятельности, несомнѣнно долженъ считаться одной изъ крупнѣйшихъ фигуръ русско-еврейской литературы, какъ по своему дарованію, такъ и по своей плодовитости и разносторонности. Помимо этого, имя Л. О. Леванды считалось особенно популярнымъ въ послѣдніе годы его жизни, вслѣдствіе той первенствующей роли, которую онъ игралъ въ качествѣ литературнаго истолкователя и пропагатора новыхъ теченій, овладѣвшихъ нѣкоторою частью русскаго еврейства.

Человѣкъ, поработавшій съ самыхъ молодыхъ лѣтъ и вплоть до гробовой доски на литературномъ и журнальномъ поприщѣ въ пользу и въ интересахъ своихъ соплеменниковъ, заслуживаетъ того, чтобы эти соплеменники знали его, и не только какъ литератора, но и какъ человѣка, и могли бы уяснить себѣ его дѣятельность не только по тому, что онъ писалъ публично и всенародно, но и по тому, что ронлось въ его мысляхъ, въ тайникахъ его души. Это скорѣе всего и лучше всего можно узнать изъ его интимнаго обмѣна мыслей съ друзьями и единомышленниками, словомъ изъ его частной переписки.

Обладая сами громадною массою писемъ покойнаго писателя, мы думали исполнить свой долгъ по отношенію къ Л. О. Левандѣ и въ то же время пойти на встрѣчу же-

ланиямъ русско-еврейской публики вообще и многихъ его почитателей въ особенности, взявъ на себя обнародованіе этой переписки. Но для выясненія личности и характера Л. О. Леванды, опубликованіе лишь тѣхъ его писемъ, которыя онъ писалъ намъ и которыя возвращаются преимущественно лишь около нашихъ взаимныхъ литературныхъ сношеній, намъ показалось далеко недостаточнымъ. Мы поэтому обратились прежде всего къ одному изъ наслѣдниковъ покойнаго, брату его, присяжному повѣренному Виталию Осиповичу Левандѣ въ Екатеринославѣ, съ просьбою предоставить въ наше распоряженіе литературную переписку Льва Осиповича, какъ мы полагали, навѣрно найденную послѣ его смерти. И вотъ мы въ отвѣтъ получили слѣдующее письмо, само по себѣ весьма характерное и для личности покойнаго Льва Осиповича, и для его окружающихъ:

„Екатеринославъ, 26 марта 1900 г.

„Любезнѣйшій Адольфъ Ефимовичъ!

„Къ сожалѣнію, я Вашего желанія исполнить не могу: у меня никакой литературной переписки, которую мой покойный братъ, быть можетъ, и велъ со многими лицами, нѣтъ. Большую часть этой переписки, а можетъ быть и всю, Левъ Осиповичъ совершенно хладнокровно, и въ присутствіи моего двоюроднаго брата, Юсіфа Леванды, уничтожилъ и бросилъ въ печь. Это фактъ, удостовѣренный сказаннымъ Левандою, бывшею у него прислугою и другими лицами.

„Конечно, будь при этомъ кто либо другой, а не Юсіфъ Леванда, то эту переписку не постигла бы такая печальная участь. А жаль, очень жаль, въ этой перепискѣ было очень много интереснаго.

„Я полагаю, что кое-какія крохи сохранились у близкаго къ нему, въ послѣднее время, человѣка, у провизора Исаака Гольдберга въ Вильнѣ.

„Совѣтую Вамъ къ нему обратиться.

„Что-же касается вопроса объ изданіи „Полнаго собранія сочиненій Л. О. Леванды“¹, то объ этомъ мы поговоримъ

¹ Объ этомъ тоже была рѣчь въ нашемъ письмѣ.

съ Вами лично. Я рассчитываю побывать въ Петербургѣ или повидаться съ Вами за-границею..

„До свиданія. Искренно Вамъ преданный В. Лева н д а“.

Въ виду этого печальнаго отвѣта, мы рѣшились черезъ посредство еврейскихъ органовъ („Будущность“, „Восходъ“, „Гамелицъ“ и „Гацфира“) обратиться къ лицамъ, владѣющимъ письмами Л. О. Левацды, съ просьбою временно предоста-вить таковыя въ наше распоряженіе, а также съ частнымъ письмомъ къ упомянутому г. В. О. Левадою И. А. Гольд-бергу. На мою просьбу откликнулись только гг. И. А. Гольд-бергъ, Б. А. Гольдбергъ, Я. Цитронъ и интимный другъ и товарищъ Л. О. Левацды на учительскомъ поприщѣ въ Мин-скѣ—И. С. Залькиндъ¹, нашъ личный другъ и товарищъ по университету. Послѣдній прислалъ цѣлую связку писемъ, относящихся къ первымъ шагамъ Льва Осиповича какъ на литературномъ, такъ и на служебномъ поприщѣ, именно ко времени отъ 1861 до 1866 года, писемъ, которыя, какъ уви-дять читатели, имѣютъ огромную цѣну не только для харак-теристики человѣка, дѣятеля и писателя Левацды, но бро-саютъ яркій свѣтъ и на многія стороны тогдашней еврейской культурной жизни, а также на факты и перипетіи такъ называемаго еврейскаго вопроса. Такъ какъ письма эти, какъ мы уже сказали, относятся къ самой ранней дѣятель-ности Льва Осиповича, то мы ихъ и публикуемъ первыми. Но прежде, чѣмъ мы приступаемъ къ печатанію этихъ писемъ, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи обнародовать и письмо И. С. Залькинда, при которомъ они были намъ препровождены и которое читатели несомнѣнно прочтутъ также съ высокимъ интересомъ.

Вотъ это письмо:

---

¹ И. С. Залькиндъ, присяжный повѣренный округа с.-петербург-ской судебной палаты, живетъ въ настоящее время въ Вильнѣ, къ край-нему прискорбію многочисленныхъ его друзей и знакомыхъ, прикован-ный къ постели тяжкою болѣзнию.

„Вильно, 12-го Сентября 1900 г.

„Любезнѣйшій Адольфъ Ефимовичъ!

„Много усилій стоило мнѣ исполнить, хотя бы въ части, первое порученіе Вашего милаго письма. Письма Л. О. Леванды оказались заброшенными куда-то, при недавнемъ переездѣ моемъ, здѣсь, на новую квартиру, и я уже отчаивался розыскать ихъ въ тридцатилѣтнемъ архивѣ моихъ дѣлъ.

„Но, вотъ, часть нашель, выдѣлилъ изъ нея многія письма совершенно частнаго характера, а остальное препровождаю. Пользованіе ими для Вашего сборника, отдѣлка ихъ, замѣненіе нѣкоторыхъ мѣстъ точками, употребленіе, вмѣсто нѣкоторыхъ фамилій, начальныхъ буквъ, и наоборотъ—все это предоставляю всецѣло Вашему умѣлому редакторскому усмотрѣнію.

„Дружба моя съ Л. О., несмотря на всю нелюдимость его въ первое время, возникла съ первыхъ дней прибытія его изъ Минска и поступленія въ Виленское раввинское училище. Особенно окрѣпла она послѣ того, какъ мнѣ удалось отличиться въ одной изъ ролей драмы „Разбойники“, написанной имъ, будучи ученикомъ, кажется, шестого класса, и разыгранной въ стѣнахъ училища, разумѣется тайнѣ отъ начальства. Еще болѣе Л. О. ко мнѣ привязался, когда, вслѣдъ за симъ, начальство, узнавъ о недозволенной театральной шалости и объ авторѣ пьесы, приступило къ выемкѣ изъ ученическихъ сундуковъ запрещенныхъ книгъ и письменностей, и когда мнѣ удалось во-время (хотя и не надолго) скрыть его сатирической дневникъ, гдѣ, начиная отъ директора, учителей и надзирателей и доходя до выдающихся учениковъ, всякій могъ узнать себя, описаннымъ въ самой правдивой, но крайне непривлекательной формѣ.— Впослѣдствіи, я, окончившій курсъ двумя годами позже его, постарался и получилъ учительскую должность въ томъ же городѣ (Минскѣ) и училищѣ, гдѣ Л. О. былъ уже преподавателемъ, и мы подружились на правахъ равныхъ товарищей и даже зажили вмѣстѣ, не имѣя другъ отъ друга тайнъ. Дружба эта длилась и послѣ того, какъ Л. О. получилъ новое назначеніе (въ Вильну, ученаго еврея при Виленскомъ Генераль-Губернаторѣ), и даже послѣ оставленія

мною прежняго поприща и отъезда въ университетъ. Переписка наша шла непрерывно почти вплоть до поступленія моего на службу (въ 4-мъ Д-тѣ Правит. Сената); но, съ этого времени, дороги наши уже совершенно разошлись въ томъ смыслѣ, что я былъ весь поглощенъ службою (сознавая всю важность и отвѣтственность новаго, небывалаго дотолѣ, положенія моего — еврейскаго молодого чиновника въ этомъ высшемъ учрежденіи Имперіи), и совсѣмъ отсталъ отъ занятій литературою, а онъ, напротивъ того, всецѣло былъ поглощенъ въ то время литературою, гдѣ успѣлъ уже занять видное мѣсто. Только изрѣдка, въ каникулярные пріѣзды въ Вильну, видались мы съ Л. О., но это уже было отчасти преждевременно-надломленной литературною работою труженникъ, отчасти чуждавшійся самыхъ близкихъ его прежнихъ друзей отшельникъ.

„Что касается предложенія Вашего относительно моихъ воспоминаній, то не спорю, что они могли-бы составить очень интересную тетрадь, но расшатанное мое здоровье лишаетъ меня покуда всякой надежды приступить къ подобной работѣ.

Весь Вашъ П. Залькиндъ“.

Теперь еще два слова о томъ, какого способа мы будемъ держаться при обнародованіи переписки Л. О. Леванды. Воздерживаясь пока отъ всякихъ личныхъ заключеній по поводу тѣхъ или другихъ мѣстъ изъ этой переписки, мы всецѣло предоставимъ ее на судъ публики. Лишь тамъ, гдѣ это будетъ крайне необходимо для выясненія непонятныхъ для современнаго читателя фактовъ, намековъ и т. п., мы снабдимъ таковыя своими примѣчаніями. Въ самой же перепискѣ мы опустимъ всецѣло все тѣ мѣста, которыя имѣютъ совершенно частный характеръ и не могутъ прибавить ни одной черточки для выясненія личности и характера покойнаго, и въ то же время не имѣютъ и никакого общественнаго интереса. Кромѣ того, тамъ гдѣ это намъ покажется нужнымъ въ интересѣ *частныхъ* лицъ, въ особенности же тѣхъ, которыя еще находятся въ живыхъ, мы замѣнимъ

имена и фамилии или инициалами, или же буквами X. Y. Z. и проч.

Ну, а теперь вот, наконец, и самые письма:

Минскъ 1857 г. Сентября 20 дня.

Любезный Илья Семеновичъ!

Ни одной вѣсточки, ни одной крошечной вѣсточки!.. Вы словно провалились, и поминай какъ звали! Это не прекрасно, это нехорошо, это непростительно! Неужели Вильно такъ овладѣло всѣмъ Вашимъ вниманіемъ, всѣмъ Вашимъ существомъ, что Вы со всѣмъ забыли Минскъ, гдѣ вы прожили девять мѣсяцевъ, и гдѣ Вамъ, можетъ быть, придется прожить столько-же. Знаю только, что и въ Вильнѣ зѣвается тоже очень порядочно и что невольно прибѣгаешь къ воспоминаніямъ о прошедшемъ, долженствующемъ нѣсколько вознаградить за настоящее пустое, безотрадное и неумолимо-скучное.

Теперь, когда уже пошло на упреки, такъ еще одинъ упрекъ. Отчего Вы не простились съ Шацкиномъ? Я было Васъ оправдывалъ тѣмъ, что Вы въ глубокую полночь поѣхали, но онъ мнѣ сказалъ, что онъ Васъ видѣлъ въ 8 ч. утра, когда вы сидѣли въ коляскѣ. Не знаю дѣйствительно ли онъ Васъ видѣлъ въ это время, или кто нибудь ему разсказалъ, довольны того, что мое оправданіе не достигло своей цѣли. Да, кстати, здоровы-ли Вы, или справедливейе вы здоровѣли-ли вы? Каникулы приближаются къ концу. Новостей нѣтъ, будьте здоровы и веселы и не забывайте моего порученія ¹.

Вашъ другъ Л. Леванда.

---

¹ Это письмо писано къ И. С. Залькиндѣ, бывшему тогда вмѣстѣ съ Л. О. Левандою учителемъ въ минскомъ еврейскомъ училищѣ, уѣхавшему на каникулы въ Вильну къ своимъ родителямъ. Письмо это хотя и носитъ совершенно частный характеръ, но мы даемъ ему здѣсь мѣсто потому, что оно ярко выясняетъ интимность отношеній, существовавшихъ между Л. О. Левандою и И. С. Залькиндою, которую не мѣшаетъ имѣть въ виду для оцѣнки значенія всѣхъ дальнѣйшихъ писемъ Л. О. къ И. С. Всѣ дальнѣйшія письма уже адресованы изъ Вильны, куда Л. О. поступилъ на службу въ качествѣ такъ называемаго „ученаго еврея“ при виленскомъ генераль-губернаторѣ Владимірѣ Ивановичѣ Назимовѣ.

Вильно, 3 Марта 1861 г.

Вы не можете представить себѣ какую услугу вы оказали мнѣ тѣмъ, что такъ скоро переслали въ Вильно письмо редакціи ¹. Я все былъ въ нерѣшимости—разсердился-ли мнѣ на редакцію, такъ самовластно распоряжающуюся моими трудами, или нѣтъ. Получивъ же письмо, я въ минуту убѣдился, что редакция имѣетъ право и я успокоился. Кой-чортъ попуталъ меня нарисовать такую мерзкую картину ². Но объ этомъ послѣ или въ другой разъ.

Находясь вдали отъ васъ, я теперь только почувствовалъ вамъ цѣну и узналъ, что значить для человѣка, въ особен-ности для моей своенравной природы—имѣть друга искрен-няго, безкорыстнаго. Хотя всѣ встрѣчаютъ меня здѣсь съ распростертыми объятіями, хотя всѣ увѣряютъ меня, что они *füllen sich gesichmeichelt* моимъ знакомствомъ, однакожъ сомнѣваюсь удастся-ли мнѣ найти среди всѣхъ моихъ почитателей—человѣка, котораго я могъ-бы называть другомъ, съ которымъ я могъ-бы жить на распашку.

Правда, г. Герштейнъ ³ оказываетъ мнѣ много привязанности, онъ ежедневно бываетъ у меня, и я у него, но его растрепанная натура мнѣ что-то мало общается. Впрочемъ, увидимъ, что будетъ далѣе; пока я чувствую себя въ Вильнѣ сиротою.—Много визитовъ я уже сдѣлалъ и много еще остается. Всѣ любопытны меня видѣть и поговорить со мною, всѣ удивляются моей молодежавой наружности. Они, видите, представляли себѣ мою особу въ гораздо обширнѣйшихъ размѣрахъ. Многіе просто боятся моего ви-зита. Если бы я не былъ теперь озабоченъ чрезмѣрными расходами, которые я теперь имѣю, и другими дѣлами, о

---

¹ „Разсвѣта“ О. А. Рабиновича.

А. Л.

² Рѣчь идетъ тутъ вѣроятно объ одной изъ главъ повѣсти „Депю бакалейныхъ товаровъ“, печатавшейся тогда въ „Разсвѣтъ“ и надѣлавшей такъ много шуму среди евреевъ. Глава эта, вслѣдствіе ея рѣзкости, подверглась вѣроятно со стороны редакціи значительнымъ сокращеніямъ и измѣненіямъ.

А. Л.

³ Покойный Іона Герасимовичъ Герштейнъ, ученый еврей при Виленскомъ Генераль-Губернаторѣ, товарищъ по службѣ Л. О. Леванды но гораздо старше его по лѣтамъ, — весьма симпатичный обществен-ный дѣятель, которому гор. Вильна обязанъ очень многимъ. А. Л.

которыхъ я пишу г. Брафману, то мнѣ было-бы очень весело. Чортъ знаетъ что это такое, что я никогда не могу наслаждаться настоящею минутою. Не наказаніе-ли то это за грѣхи мои? „Депо“¹ дѣлаетъ здѣсь большой фуроръ, еще больше нежели въ Минскѣ. Даже самъ „Разсвѣтъ“ возвысился теперь въ мнѣніи вил. евреевъ. Они говорятъ, что онъ „למאן קרן שמים“² и сильно опасаются, чтобы онъ не прекратилъ свою дѣятельность. Пишите пожалуйста, что говорятъ тамъ у васъ про меня и мою лавочку.—Послѣдняя глава будетъ на дняхъ окончена и отослана. Глава 10³, которая была выслана 11 фев., и не могла еще находиться въ редакціи, когда письмо писалось ко мнѣ, т. е. 16 февр. слѣд. нечего беспокоиться. Дружескіи поклонъ всѣмъ моимъ бывшимъ товарищамъ и знакомымъ. Искренній поклонъ m-lles Rachel и Leonora H.

Пишите! ради Бога, пишите! Вашъ Л. Леванда.

Марта 10-20 1861 г.

Я сейчасъ получилъ ваше письмо отъ 7-го с. м., которое не весьма то меня обрадовало. Хотя я не могу еще обсудить на сколько можетъ мнѣ быть полезнымъ или вреднымъ вашъ поступокъ съ моимъ письмомъ, однакожь я à priori оуждаю его. Мое письмо рекомендуетъ меня съ худой стороны и передъ Его Преосв.⁴ и передъ Его Сіятельствомъ⁵. Я писалъ къ Якову Александровичу⁶, какъ къ искреннему другу, передъ которымъ я не хотѣлъ скрывать ничего, что со мною есть и что я чувствую; я никогда не позволилъ бы ему показывать письмо мое кому нибудь, кромѣ васъ, тѣмъ болѣе лицамъ официальнымъ⁷. Нехорошо, тысячу разъ не

---

¹ „Депо бакалейныхъ товаровъ“—обличительная повѣсть, печатавшаяся въ то время въ „Разсвѣтѣ“. А. Л.

² Поднимаетъ рогъ Израиля, т. е. возвышаетъ славу Израиля. А. Л.

³ Должно быть, особенно рѣзкая. А. Л.

⁴ Минскій архіерей. ⁵ Попечитель вил. учебнаго округа князь Ширинскій-Шихматовъ. А. Л.

⁶ Брафману, пресловутому автору „Книги Кагала“, который въ то время разыгрывалъ роль друга евреевъ вообще и личнаго пріятеля какъ Л. О. Леванды, такъ и И. С. Залькинда. А. Л.

⁷ Содержаніе этого письма, по всей вѣроятности, весьма интересное, намъ, къ сожалѣнію, не извѣстно. Но надо думать, что это было интимное сообщеніе о тогдашнихъ вилепскихъ порядкахъ. А. Л.